

Секция № 1:
ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

**ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ДРУГОГО В ФРАНЦУЗСКОМ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ**

К. В. Кондратьев

*аспирант кафедры Казанского государственного
университета, Казань*

Классическая философия провела с максимально возможной четкостью и ясностью позицию самоосновного, самодетерминированного, то есть субстанционального индивида – или, говоря проще, позицию субъекта. Человек-субъект требует для себя наличия мира-объекта. И классическая философия, безусловно, лучше, чем какая-либо другая, проанализировала возможности существования человека в объектном мире, границы его познавательных и деятельных способностей. Но что мы можем сделать, когда перед нами встает не пассивный объект исследования или действия, а живой человек, во всей его антиномичности, сложности и неоднозначности? Сохранив субъектную позицию – мы тем самым неизбежно превратим другого человека в объект, в объект нашего исследовательского интереса (так происходит в случае естественно-научного подхода к человеку), либо в объект наших действий, отрицающих активность противоположной стороны. Как возможно в такой ситуации понимание человека в его уникальной ситуации, то есть глубинное понимание между двумя экзистенциями?

Конкретизируем понятие «экзистенциальной ситуации». В повседневности человек, как правило, сталкивается с шаблонными ситуациями, требующими в своем разрешении действий по четко заданному алгоритму. Человек достаточно успешно может решать возникающие перед ним задачи, используя для этого сподручные средства и воздействуя на окружающие его объекты. Но в жизни человека также есть и ситуации, не описываемые с точки зрения общезначимого шаблона. Карл Ясперс называет их «пограничными ситуациями» – это ситуации виновности, страдания, зависимости от случайности, осознания смертности [2]. К их особенностям можно отнести неповторимость, индивидуальность, неформализуемость, невозможность применения готовых шаблонных решений. Именно с такими ситуациями мы обычно встречаемся в искусстве, именно такие ситуации в истории философии получили определение «экзистенциальных». Тогда возможно ли взаимопонимание в экзистенции? Или из неповторимости пограничной ситуации следует радикальное одиночество, на которое она обрекает человека?

Обратимся к классикам экзистенциальной философии в поисках ответов на эти вопросы. Анализу Другого посвящена третья часть главного философского труда Сартра – книги «Бытие и ничто». Сартр, стараясь избежать промахов своих предшественников (к которым он относит, прежде всего, Гегеля, Гуссерля и Хайдеггера) ищет такое отношение к Другому, которое отвечало бы следующим условиям:

1. Оно должно происходить из глубины моего «я», из картезианского *cogito*, так как иной реальности мы не имеем.

2. Другой, будучи тем, кто не является мной, представляет собой отрицание меня, но это отрицание должно быть не внешним, отделяющим меня от Другого как две субстанции, а внутренним, что означает обоюдное конституирование друг друга членами отношения.

3. Мы должны искать не априорную структуру в нашем сознании, относящуюся к любому «Другому вообще», а «конкретное и несомненное присутствие такого-то или такого-то конкретного другого» [1, с. 275].

Анализируя ситуацию экзистенциальной встречи в соответствии с выбранным им феноменологическим методом, Сартр предлагает категорию «взгляда», как описывающую сущностный способ моей связи с Другим.

Сознание само по себе Сартром описывается как «ничто», дыра в бытии. Только лишь как направленное на предмет – интенциональное сознание оно может существовать. «Взгляд» – в определенном смысле есть эта направленность, которая может конституировать вещи предметной реальности в «мир», а также и меня самого. Взгляд как интенция другого сознания затрагивает меня в самой сущности – оно конституирует меня определенным образом, налагая границу моей свободы, полагая предел моим полагающим проектам. Если учесть, что в понимании Сартра, человек – это и есть проект его бытия, то мы уверенно можем сделать вывод, что подобное полагание границы убивает меня как свободную экзистенцию – превращает меня в объект. Именно поэтому основными проявлениями «рассматриваемого бытия» по Сартру являются: 1) «стыд», как признание того, что я являюсь объектом конституирующих усилий Другого; и 2) «тревога», как принятие на себя бытия-объекта, без возможности влиять на это бытие, которое другой конституирует в полной свободе, которое подразумевает и свободу ценностных суждений.

Таким образом, отношение «взгляда» описывается Сартром в категориях конфликта. Другость Другого проявляется в его субъектности. И тогда получается: когда я пытаюсь понять Другого,

основываясь на своей субъектности, – я схватываю лишь Другого-объекта, то есть не схватываю ничего. Когда же я пытаюсь основываться на субъектности Другого – я уже теряю способность схватывать что-либо, ибо сам превращаюсь в объект. Как мы видим, сущностное взаимопонимание, по Сартру, оказывается невозможным, сущностным оказывается конфликт. Моменты действительного взаимопонимания Сартром признаются как реально существующие – для их описания он использует термин Хайдеггера *Mitsein* – «бытие-с». Тем не менее, Сартр считает, что *Mitsein* не может быть первичным – это лишь обогащение некоторых из сторон «бытия-для-Другого». Опыт «мы» – эфемерен, зыбок и неустойчив, и, в сущности, никак не влияет на исходное состояние конфликта: «субъективности остаются недостижимыми и радикально разделенными» [1, с. 437].

Итак, как мы видим, Сартр отвечает радикальное «нет» на поставленный нами вопрос о возможности взаимопонимания между экзистенциями. Какая методологическая основа заставляет его делать такой вывод?

Мы видим, что феномен отношения к Другому везде описывается Сартром в гносеологических категориях субъекта-объекта, более того, основой всех построений Сартра служит картезианское *cogito*, на которое традиционно направляет свой критический пафос неклассическая философия. Мы видим, что попытку найти Другого в глубинах самого себя возможно осуществить только в одном случае – если понимать Другого как «не-Я», а такая постановка вопроса неизбежно приведет к конфликту. Несмотря на принадлежность к неклассической философии, Сартр остается тесно связан с классикой и сталкивается с теми же трудностями, которые проистекают из классического понимания субъекта как *cogito*. Отношение рассматривается как действие, совершаемое субъектом – рассматривающим. Сартр никогда не говорит о возможности рассматривания друг друга, глядя «глаза-в-глаза». Наоборот, он утверждает, что взгляд увидеть невозможно – можно увидеть только глаза, которые никогда не есть взгляд. Взглянув на взгляд – я вижу только глаза, я вижу объект. Поиск «живого человека», забытого классической трансцендентальной философией, приводит лишь к радикальному одиночеству. Перефразируя известное выражение Горгия: «Другой недоказуем, если докажем – то недостижим, если достигим – то не как собственно Другой, а лишь как объект».

Библиографические ссылки на источники

1. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М., 2000.
2. Ясперс К. Введение в философию. Мн., 2000.